

RU

Сердечные мотивы в творчестве Иосифа Бродского

Баранова Т. Н.

Аннотация. Статья посвящена анализу ряда стихотворений Иосифа Бродского, которые прежде не подвергались детальному филологическому разбору, рассмотрены ряд образов и мотивов, вызывающих разночтения в критике. Исследование предпринято с целью осмыслить творчество поэта с новой точки зрения – в некоторой степени «материалистичной», «физиологической», затрагивающей особую природу эмоциональной окрашенности основных мотивов лирики нобелевского лауреата, а также выявить роль «сердечных» мотивов в формировании образно-метафорического поэтического мира Бродского. В статье переосмысляются привычные коннотации образа-мотива сердца (жизнь, смерть, боль и т. п.) и прослежено, как повлияли на мировоззрение поэта реальные сердечные приступы, болезни и операции, перенесенные им в жизни. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые дан глубокий и детальный анализ мотивно-образной системы стихотворений Бродского, предложены расшифровки «темных мест» стихотворений, вызвавшие у критики серьезные трудности и смысловые разногласия. В результате доказано, что импульс философического настроения лирического героя и в целом поэтического мира сердечных мотивов Бродского обусловлен отходом от привычной поэтической трактовки и понимания образа сердца, наделения его образа новыми – собственно бродскими – коннотациями, выстраивающими доминантную параллель: поэт // сердце.

EN

Heart motifs in the creative work of Joseph Brodsky

Baranova T. N.

Abstract. The paper analyzes a number of poems by Joseph Brodsky that have not been previously investigated in detail by philologists and examines certain motifs and images that cause discrepancies in critics' interpretations. The study aims to understand the poet's creative work through a new perspective, to some extent, in a more "materialistic" and "physiological" way, which affects the emotional charge of the Nobel laureate's main motifs. The study also aims to identify the role played by "heart" motifs in shaping Brodsky's figurative and metaphorical world of poetry. The paper reinterprets the traditional connotations of heart imagery (life, death, pain, etc.) and shows how Brodsky's worldview was shaped by the heart attacks, illnesses, and surgeries he endured. The scientific novelty of the study lies in its deep and detailed analysis of the system of motifs and images in Brodsky's poetry, offering explanations for some obscurities in his poems that have caused significant difficulties and variations of meaning among critics. As a result, it has been proved that the philosophical inspiration of the persona and Brodsky's overall poetic world is due to an alternative interpretation and understanding of heart imagery, endowing it with unique, Brodsky-specific connotations that form a dominant parallel between the poet and the heart.

Введение

На фоне существующих многочисленных научных исследований по поэтике и философии Иосифа Бродского актуальность исследования обусловлена необходимостью выработки более глубокого понимания стихотворений И. Бродского, во многом не доступных интерпретациям критиков-«немедиков». Особое значение в данном случае отводится не только метафизическому образу сердца в поэзии Бродского, но и физиологии сердца-органа.

Как известно специалистам, к настоящему моменту опубликовано множество научных работ о многообразии поэтики и философии Иосифа Бродского (Бродский: pro et contra, 2022–2023, т. 1, 2), в которых выделены основные мотивы его творчества, в частности это тема одиночества, тоски, смерти, душевных страданий лирического героя. Наряду с этими мотивами ярко прослеживается и физиологичность, некая «телесность» различных эмоциональных пароксизмов, которые Бродский описывает с потрясающей, в некоторых случаях даже медицинской, точностью и лексической яркостью художника. Наиболее распространенным и широко используемым в этом аспекте поэтическим образом Бродский избирает и в последующем наделяет

особой метафорикой сердечно-сосудистую систему (сердце и кровь) человека, интерпретируемые им как ключевые жизнеобразующие факторы бытия, в связи с чем и возникает возможность охарактеризовать эту систему образов как некие «сердечные» мотивы творчества художника.

Для достижения поставленной цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, обратиться к историко-культурной ситуации, в рамках которой были созданы анализируемые стихотворения Бродского, и рассмотреть, как биографические факторы (перенесенные болезни и операции) повлияли на творческий замысел художника; во-вторых, выявить поэтологические особенности рассматриваемых стихотворных текстов, определить их образно-семантическое поле, наметить мотивно-образные доминанты; в-третьих, рассмотреть интертекстуальные переключки, эксплицированные в тексте, и квалифицировать их влияние на смысловые константы стихотворения.

Основными методами исследования стали историко-литературный, благодаря которому были выявлены важнейшие моменты жизни Бродского, оказавшие влияние на его творчество; типологический, позволивший проанализировать общие черты в развитии сердечных мотивов; поэтологический, необходимый для понимания семантики и структуры стихотворных текстов, а также метод целостного анализа литературных произведений, который позволил открыть новые грани творческого своеобразия поэтического наследия И. Бродского.

Материалом исследования послужили поэтические тексты И. Бродского, в частности его стихотворения, изложенные в сборниках:

- Бродский И. Книга интервью. Изд-е 5-е, испр. и доп. М.: Захаров, 2011.
- Бродский И. Проза и эссе (основное собрание). 1962-1995. http://lib.ru/BRODSKIJ/brodsky_prose.txt_with-big-pictures.html.
- Бродский И. Стихотворения и поэмы. 1965. https://imwerden.de/pdf/brodsky_stihotvoreniya_i_poemy_1965_ocr.pdf.
- Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского: в 7-ми т. / сост. Я. А. Гордин, В. П. Голышев, В. А. Куллэ, Е. Н. Касаткина. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. Т. 1-3.

Теоретическую базу исследования составляют работы литературоведов, специализирующихся на истории современной русской литературы и вопросах своеобразия поэтического текста И. Бродского. Например, изложению биографии Бродского посвятили свои публикации Л. Лосев (2008), В. Полухина (2008), В. Мишаков (2004). Особо подробно биография Бродского рассмотрена в работе Л. Сергеевой (2016), друга поэта, которая раскрыла подробности его жизни, ранее не затрагиваемые критиками. В статье использованы материалы С. Волкова (1998), изложившего в своей книге диалог с Бродским, позволив раскрыть суждения самого поэта и его мысли по поводу составления книг, его яркие воспоминания о жизни, суждения о своем месте в мире. Литературоведы О. Богданова и Е. Власова (2022) также посвятили свою работу анализу, кажется, уже ранее отрефлексированных стихов Бродского, но предложили их новую, углубленную интерпретацию. Г. Магницкая (2017) осветила последние годы жизни Бродского, акцентировав внимание на меняющемся отношении Бродского к вопросам жизни и смерти. Медицинские аспекты в рамках исследуемой темы были почерпнуты из работ кардиологов (Барбараш, Кашталап, Шибанова и др., 2020).

Практическая значимость данного исследования заключается в том, что его аналитические выводы, текстологические наблюдения и результаты могут быть применены в будущих научных исследованиях современной русской литературы и поэтического наследия И. Бродского. Кроме того, они могут быть включены в учебные программы общих и специализированных курсов по истории русской литературы XX и XXI веков для высшего и среднего образования.

Обсуждение и результаты

Из биографии поэта мы знаем, что Бродский тяготел к естествознанию в юные годы, увлекался анатомией, мечтал стать нейрохирургом и даже имел практический опыт в медицине. Шестнадцатилетнего Иосифа устроили на работу санитаром в морг, чтобы «начать восхождение к вершине мастерства, так сказать, с самого низа» (Мишаков, 2004). Вскоре он оставил эту деятельность по причине, которую сам достаточно поэтично описал позже в интервью Соломону Волкову (1998): «Ушел я из морга главным образом потому, что приключилась одна неприятная сцена. Больница эта была областная. И летом очень много привозили детей. Дело в том, что летом (а это был июль) детская смертность подскакивает. По области гуляет бруцеллез, много случаев токсической диспепсии, маленькие дети особенно страдают; что-нибудь съедят или выпьют – молочко не такое, и все. Младенцы этому чрезвычайно подвержены. И пришел к нам в морг цыган. Я выдал ему двух его детей-двойняшек, если не ошибаюсь. Он когда увидел их разрезанными, то среагировал на это довольно буйно: решил меня тут же на месте и пришить. И вот этот цыган с ножом в руке стал носиться за мной по моргу. А я бегал от него между столами, на которых лежали покрытые простынями трупы. То есть это такой сюрреализм, по сравнению с которым Жан Кокто – просто сопля. Наконец, он поймал меня, схватил за грудки, и я понял, что сейчас произойдет что-нибудь непоправимое. Тогда я изловчился, взял хирургический молоток – такой, знаете, из нержавеющей стали – и ударил цыгана по запястью. Рука его разжалась, он сел и заплакал. А мне стало очень не по себе».

Присутствующее в цитате (а позднее и в ряде художественных текстов Бродского) использование медицинской терминологии поэтом (не медиком) подчеркивает его природные способности к анатомии и физиологии человеческого организма. Глубокий философский смысл болезни, смерти, бытия придет к поэту значительно позже, но медицинский базис, усвоенный в юные годы не столько даже обучением, сколько практикой и удивительной природной интуицией, будет всегда подтекстным мотивом гения художника.

Особенную «сердечность», душевность самого Бродского отмечали многие его современники: «...более живого, обаятельного и гениально одаренного человека в моем поколении мне не доводилось встречать» (Сергеева, 2016). Так, польская журналистка Эльжбета Тоша свои воспоминания о пребывании поэта в Польше, своего рода «летописную хронику» этого события, озаглавила «Состояние сердца. Три дня с Иосифом Бродским».

В творчестве Бродского (1965) фоном всех основных философских мотивов проходит боль – физиологическая, физическая, осязаемая:

Это трудное время. Мы должны пережить, перегнать эти годы,
С каждым новым страданием забывая былые невзгоды,
И встречая, как новость, эти раны и боль поминутно,
Беспокойно вступая в туманное новое утро.
Я вас любил. Любовь еще (возможно,
что просто боль) сверлит мои мозги.
Я проснулся тонущий в боли,
И не мог изменить исход.
Я снаружи казался веселым,
А внутри был давно уже мертв.

Своеобразным апофеозом боли как постоянного спутника страдающей души героя-одиночки, ищущего свое место в общей картине мира, стало название сборника «Верь своей боли», в который вошли избранные речи, созданные писателем в 1980-е годы: «Похвала скуке», «Речь на стадионе», «Активная речь» и речь при получении Нобелевской премии по литературе.

Боль в творчестве художника разнообразна по своей этиологии – головная, сердечная, душевная – она довольна часто становится фоном бытийности героя: «Боясь расплескать, проношу головную боль в свете зимнего полдня». И далее там же:

Голова болит, голова болит. Ветер волосы шевелит на больной голове моей в буром парке (Бродский, 1965).
И боль в душе. Вот два столетия.
И улиц свет. И боль в груди.
И ты живешь один на свете,
и только город впереди (Бродский, 1965).

На фоне общей боли – душевной, физической – на протяжении всего творчества боль сердечная у Бродского была всегда осязаема, сопровождая эмоциональные переживания и жизнь лирического героя. Во многом эта физиологическая «сердечность» лирики детерминирована личным *anamnesis vitae* (анамнезом жизни) писателя. У Бродского проблемы с сердцем начались еще в юные годы: первый сердечный приступ был зафиксирован во время госпитализации поэта в ленинградской психиатрической больнице № 2 на Пряжке.

Когда в 1965 году Бродский оказался в ссылке, его врожденное сердечное нездоровье еще больше ухудшилось. Стихи того времени выдают тяжесть одиночества, страха, беспокойства, сердечной боли в прямом и метафорическом смысле, хотя лишены жалобных нот (Петрушанская, 2019).

А 13 декабря 1976 года, через 4 года после эмиграции, в 36 лет, на фоне тяжелых моральных переживаний, а также отягощенной наследственности (отец Бродского – Александр Иванович Бродский умер от сердечного приступа), поэт перенес первый инфаркт миокарда, положивший начало истории болезни кардиологического пациента Бродского, восстановить которую максимально точно нам позволяет «Хронология жизни и творчества И. А. Бродского», составленная В. Полухиной (2012) и Л. Лосевым:

1976 год, 13 декабря: в Нью-Йорке Бродский перенес обширный инфаркт;
1978 год, 5 декабря: первая операция на сердце (шунтирование);
1985 год, 13 декабря: второй инфаркт;
1985 год, 27 декабря: третий инфаркт и вторая операция на сердце с осложнениями;
1987 год, март: в больнице: коронарная ангиопластика;
1992 год, декабрь: помещен в нью-йоркскую больницу с сердечным недомоганием;
1994 год, январь: четвертый инфаркт.

Сам Иосиф Бродский в интервью Соломону Волкову (1998) всю серьезность своего кардиологического диагноза и состояния описал очень эмоционально, с явной нотой трагизма его положения:

На самом деле все очень просто. Был инфаркт, после чего я два года кое-как мылкался. Состояние несколько не улучшалось, а даже ухудшалось. Я, правда, тоже хорош – курил и так далее. И тогда врачи решили меня разрезать, поскольку они сделали всякие там анализы и убедились, что из четырех артерий, три – «но пасаран», да? Совершенно забиты. И они решили приделать артерии в обход, в объезд. Вскрыли меня, как автомобиль. Все откачали – кровь, жидкость... В общем, операция была довольно-таки массивная. И, значит, они вставили три объездных, запасных пути. Развязки, если угодно. Но впоследствии выяснилось, что из трех путей только два действуют как следует, а третий – смотрит в лес. И операцию эту пришлось повторить. И от этого всего жизнь временами чрезвычайно неуютна, а временами все нормально, как будто бы ничего и не происходит. А когда болит, тогда, действительно, страшно. Чрезвычайно неприятно. И делать ты ничего не можешь. И не то, чтобы это был действительно страх... Потому что ко всему этому привыкаешь, в конце концов. И возникает такое ощущение, что когда ты придешь туда, то там будет написано – «Коля и Маша были здесь». То есть ощущение, что ты там уже был, все это видел и знаешь. Но тем не менее болезнь эта несколько обескураживает. Выводит просто из строя.

В эссе «Набережной неисцелимых» Бродский (1965) описывает состояние своего сердца: «Холод и сырость справились со мной – вернее, с моими грудными мышцами и нервами, испорченными хирургией», далее именуя себя «сердечным калекой».

Безусловно, такое психоэмоциональное и физическое состояние не могло не найти отражения в философии лирики поэта. И даже более того, известно, что в 1979 году, сразу после первой операции на сердце, Бродский не написал ни одного стихотворения, что могло быть вполне обусловлено как физическим нездоровьем поэта, так и его эмоциональным состоянием на фоне кардиологического диагноза, а именно депрессией, апатией, ипохондрией.

Один из кумиров Бродского – Уильям Шекспир – главный жизнеобразующий орган человека превознес в поэме «Ромео и Джульетта»: «В груди моей – как царь на троне – сердце». Гений Бродского отождествлял себя с английским классиком: «Иногда чувствую себя Шекспиром» (Цит. по: Богданова, Власова, 2022, с. 5). Бродский продолжил и развил «сердечный» мотив в своем творчестве.

В некотором смысле мистическими являются пророческие слова Бродского в эссе «Набережная неисцелимых» о сердечной боли и смерти: «Скажем, больной человек – особенно сердечник – где бы ни оказался, непременно будет периодически в ужасе просыпаться в три часа ночи, думая, что умирает. Но здесь, должен признаться, со мной ни разу не случилось ничего подобного; правда, перенося это на бумагу, я стучу по дереву» (Цит. по: Сергеева, 2016), ведь именно такой трагический исход, связанный с кардиологическим диагнозом, будет иметь место через семь лет.

Физиологическую «сердечность» бытия человека ощущал Бродский (1965) и в метафизике творчества, сравнивая сердечную деятельность и дыхательный акт со стихотворным размером: «Несоответствие размеров – это несопадение в дыхании и в сокращениях сердечной мышцы».

Все эти факторы находят ярчайшее отражение в творчестве Бродского, где фоновая, затекстовая физиологичность психологизма лирики художника прослеживается довольно часто, особенно в зрелом возрасте:

Можно много построить и столько же можно разрушить
и снова построить.

Ничего нет страшней, чем развалины в сердце,
ничего нет страшнее развалин,
на которые падает дождь и мимо которых
проносятся новые автомобили,
по которым, как призраки, бродят
люди с разбитым сердцем и дети в беретах,
ничего нет страшнее развалин,
которые перестают казаться метафорой
и становятся тем, чем они были когда-то:
домами (2001, т. 1, с. 74-75).

Осознание особой роли *сердца* в организме и некое предчувствие его будущей болезни ощущается Бродским уже в юности, в 1961 году, «В письме на юг»:

Потому-то все чаще, все чаще ты смотришь назад, значит, жизнь – только утренний свет, только сердца
уверенный стук... (2001, т. 1, с. 68).

В том же 1961 году, в стихотворении «Приходит время сожалений», снова звучит тот же мотив ограниченности жизни работой сердечной мышцы:

И вся-то жизнь – биенье сердца,
и говор фраз, да плеск вины (Бродский, 2001, т. 1, с. 35).

В 1957 году в стихотворении «Прощай», в череде напутственных пожеланий, среди таких позитивных эмоциональных проявлений, как надежда, удача, легкость жизненного пути, заключительным звучит пожелание здорового ритма сердца:

Да будет могуч и прекрасен бой,
гремящий в твоей груди (Бродский, 1965).

В стихотворении «Гость», написанном в 1961 году, юным Бродским поэтично описан уже и симптом кардиалгии – боли в сердце, которая впоследствии станет его постоянной спутницей:

Все жизнь не та, все, кажется, на сердце
лежит иной, несовременный груз,
и все волнует маленькую грудь
в малиновой рубашке фарисейства (2001, т. 1, с. 40).

И далее пророчески пронизательные строки снова в подтексте отводят ключевую роль жизни-смерти именно сердцу:

Когда-нибудь, со временем, пойму,
что тоньше, поучительнее даже,
что проще и значительней пейзажа
не скажет время сердцу моему (Бродский, 2001, т. 1, с. 40).

И в 1960 году, в стихотворении «Памяти Феди Добровольского», появляются еще одно описание сердечного приступа после физической нагрузки и фатальная предрешенность результата:

И когда вспоминаем,
то начинаем жалеть себя,
свои сутулые спины,
свое отвратительно работающее сердце,
начинающее неудобно ерзать

в грудной клетке
уже после третьего этажа.
И приходит в голову,
что в один прекрасный день
с ним – с этим сердцем –
приключится какая-нибудь нелепость (Бродский, 1965).

Здоровый сердечный ритм как неотъемлемая часть эмоциональных переживаний лирического героя также находит отражение в стихотворении Бродского «Кто к минувшему глух»:

...незаметный в окно,
ослепительный Путь –
будто льется вино
и вздымается грудь.

И далее:

И трепещут цветы
у него позади
на краю темноты,
словно сердце в груди.

Сердца рвались,
метались и храпели,
как лошади,
попав под артобстрел.

Сердце скачет, как белка, в хворосте
рёбер. И горло поёт о возрасте.

Это – уже старение (Бродский, 2001, т. 1, с. 139-140).

С годами влияние на работу сердца и, как следствие, на продолжительность жизни Бродский ощущает еще ярче, что проявляется в стихотворении «Памяти Е. А. Баратынского»:

Ох, каламбур.

Календари все липнут
к сердцу понемногу,
и смерть от родины вдали приходит.

Значит, слава Богу (2001, т. 1, с. 44).

Одним из самых ярких стихотворений, в котором проявляются «сердечные» мотивы, стало «Он знал, что эта боль в плече», написанное в 1965 году, где впервые в поэтической форме описывается клиническая картина острого инфаркта миокарда с летальным исходом героя.

Сердечная боль описана физически точно:

Он знал, что эта боль в плече уймётся к вечеру,
и влез на печку... (Бродский, 2001, т. 2, с. 98).

Но боль усиливалась:

Грудь колело (Бродский, 2001, т. 2, с. 98).

Затем боль становится невыносимой, и Бродский поэтично дает описание нарастания приступа:

Но так была остра игла,
что даже и на свете том
– он чувствовал – терзать могла (2001, т. 2, с. 98).

Невыносимость, нестерпимость боли и, как результат, развитие болевого шока, приведшего героя к смерти, Бродский описывает с поразительной точностью – спазм голосовых связок на фоне болевого шока, потемнение в глазах, последующая потеря сознания и остановка сердца:

...попытался, но не смог
название выговорить вслух:
то был бы просто крик. А на
кого кричать, что свет потух,
что поднятая вверх копна
рассыплется сейчас, хотя
он умер (2001, т. 2, с. 98).

Весьма точной видится и передача поэтом взаимосвязи сердечной деятельности с кровеносной системой, с током крови в сосудах, а также ее реологическими характеристиками в стихотворении «1972 год»:

Старение! Здравствуй, моё старение!

Крови медленное струение (Бродский, 2001, т. 3, с. 16).

В 1995 году в Риме Бродский пишет стихотворение «Корнелию Долабелле», в последней строке которого как некая кода звучит мотив неизбежности, обусловленный (для медика) биохимическим процессом кальцификации кровеносных сосудов, тогда как у Бродского это своеобразная метафора его кардиологического заболевания.

Позже в стихотворении «Моллюск» с такой же интуитивной глубиной поэтично описан сам механизм работы сердца. Действительно, сердце человека имеет внешнее (зримое) сходство с телом моллюска, находящимся в раковине. В сердце человека имеются хорды – соединительнотканые тяжи, идущие от митрального клапана к стенке желудочка сердца. И это понятно и знакомо Бродскому (1965):

...во мне говорит моллюск.
Ему подпекает хор
хордовых, вторят пять
литров неголубой
крови...

Как видно, поэтические тексты Бродского демонстрируют (особенно для читателей, хотя бы в малой степени имеющих представление о медицине) удивительно точные знания (или догадки) поэта, которые напрямую связаны с физиологией человека и, в частности, с его «сердечными» мотивами.

Заключение

Итак, можно сформулировать следующие выводы.

Иосиф Бродский в своем творчестве нередко выводит на передний план мотив боли, которая у поэта оказывается почти физиологической, квазифизической, осязаемой. Более того, боль в творчестве поэта часто становится фоном бытийности героя. При этом боль сердечная у Бродского всегда жизненно-живая, сопровождающая эмоциональные чувствования лирического героя. Особенно зримо это обнаруживается в стихотворениях Бродского с акцентом на «сердечные мотивы». Образные доминанты лирического повествования, выстроенного вокруг образа *сердца*, в стихотворениях Бродского оказываются семантически значимыми, требующими особой мотивно-образной интерпретации, но, как ни странно, обнаруживают и почти медицинское содержание, своеобразные поэтические иллюстрации к научно-медицинской этиологии «сердечной муки».

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в более детальном изучении как самих «сердечных» текстов Бродского, так и в акцентуации в них важных моментов медицинской составляющей мотивов. Обращение к нестрогим медицинским ракурсам стихотворений такого рода позволит расширить представление о творческом своеобразии талантливого поэта, нобелевского лауреата Иосифа Бродского.

Источники | References

1. Барбараш О. Л., Кашталап В. В., Шибанова И. А., Коков А. Н. Фундаментальные и прикладные аспекты кальцификации коронарных артерий // Российский кардиологический журнал. 2020. № 25 (3S). <https://doi.org/10.15829/1560-4071-2020-4005>
2. Богданова О. В., Власова Е. А. Поэтические миры Иосифа Бродского. СПб.: Алетейя, 2022.
3. Бродский: pro et contra: антология: в 2-х т. / сост. О. В. Богданова и др. СПб.: РХГА им. Ф. М. Достоевского, 2022-2023. Т. 1-2.
4. Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским / вст. ст. Я. Гордина. 1998. https://imwerden.de/pdf/volkov_dialogi_s_iosifom_brodskim_2000_ocr.pdf
5. Лосев Л. Иосиф Бродский. Опыт литературной биографии. М.: Молодая гвардия, 2008.
6. Магницкая Г. Август Бродского. Скорбные строки // Проза.ру. 2017. <https://proza.ru/2017/05/05/366>
7. Мишаков В. Кто вы, Джозеф Бродский? 2004. <http://v-mishakov.ru/brodskiy.html>
8. Петрушанская Е. М. Созвучия конца оттепели: «Четыре стихотворения» Иосифа Бродского и Бориса Чайковского // Художественная культура. 2019. № 3 (29).
9. Полухина В. П. Иосиф Бродский. Жизнь, труды, эпоха. СПб.: Журнал «Звезда», 2008.
10. Полухина В. П. Эвтерпа и Клио Иосифа Бродского: хронология жизни и творчества. Томск: ИД СК-С, 2012.
11. Сергеева Л. Конец прекрасной эпохи. Воспоминания очевидца об Иосифе Бродском и Андрее Сергееве // Знамя. 2016. № 7. <https://znamlit.ru/publication.php?id=6319>

Информация об авторах | Author information

Баранова Татьяна Николаевна¹

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург

Baranova Tatyana Nikolaevna¹

¹ A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg

¹ bysinka27@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 19.12.2023; опубликовано online (published online): 13.02.2024.

Ключевые слова (keywords): лирический герой; поэтика; метафизический образ сердца; сердечные мотивы; физиологические подтексты лирики; persona; poetics; metaphysical image of the heart; heart motifs; physiological subtexts of lyrical poetry.